

АНТОН ОСТАПЕНКО

Ad Futuram Memoriam О музыкантах Консерватории в блокадном Ленинграде

«Если в связи времен исчезают звенья, то рано или поздно эта утеря сказывается на нашем духовном здоровье. Беспмятство бесследно не проходит. Но память не иссякнет, пока каждое новое поколение, вступающее в жизнь, будет хранить ее в своем сердце, в своих делах и поступках».

*В. Прокофьева. «Музыкальные кадры»,
23 июня 1988 г.*

«**Мы** ковали великую победу» — выгравировано на одной из мемориальных досок Пискарёвского мемориального кладбища памяти жертв блокады Ленинграда.

Какая сила, какая воля и единение в этих словах...

Эта статья — не столько результат исследовательской работы, предлагающий некоторые малоизвестные страницы истории Консерватории, как это значится в заглавии альманаха, сколько намерение на основе ряда фактов из доступных мне источников и ранее неопубликованных воспоминаний свидетелей Великой Отечественной войны напомнить о годах страшной тяжбы, перенесенных советскими гражданами, Ленинградом, Ленинградской Консерваторией и ее музыкантами. Намерение предложить читателю современного поколения поразмыслить о ценности мирного времени и тех не обремененных и не очерненных войной свобод, которыми оно обладает.

Удивительно, что, несмотря на нагнетающую атмосферу военного положения, пребывания в оккупированном городе, творческая мысль

музыкантов не только не ослабла, но приобрела особую силу, напряженность. «... Никогда в мирное время научная работа не протекала с таким энтузиазмом, ... никогда она не давала столько внутреннего удовлетворения, как в годы войны, среди тягостей и опасностей блокады». К этим словам музыковеда А.В. Оссовского не раз обращались и не раз будут обращаться исследователи консерватории блокадного Ленинграда. В них — выражение огромной силы внутреннего сопротивления и доказательство твердости духа, жизнестойкости человека, как и многих других, поставленного в тяжелейшие моральные условия, которые принесла с собой война.

* * *

«Была объявлена воздушная тревога. Город наполнился злоеще глассандирующим воем. Надрывно выли сирены, предостерегающе-протяжно гудели заводы, на железно-дорожных путях исходили ревом паровозы — тревога, тревога, тревога!» (2, 95).

«Так вот началась война: горе, голод, холод и изнурительный труд» (10).

Не жалея сил работали ленинградские музыканты-педагоги всех специальностей, проводя время не только в стенах Консерватории, но и на концертах для фронтовых солдат, и на выступлениях в больницах, для получивших ранения.

Вспоминает одна из участниц таких концертов Вельшакова С.А.: «Мне крепко запомнилось, что 8 сентября 1941 года мы выступали в институте травматологии около Петропавловской крепости. И когда кончился концерт, все с удивлением увидели, что почти весь Ленинград покрыт дымом — горели Бадаевские склады».

Д. Шен, свидетель одного из концертов, данных в период блокады профессором Консерватории пианистом А. Каменским, пишет о своем впечатлении по прошествии исполнения пьесы «Ноябрь» Чайковского: «Но едва только отзвучал образ унесшейся в неведомую даль “птицы-тройки”, ... как в уши ворвалось страшное звучание действительности — уродливое, но реальное звучание войны. ... И едва только завывание сирен, как будто бы неожиданно захлебнувшись, прекратилось, как явственно донеслось откуда-то сверху негромкое, но неприятно тревожащее слух жужжание. ... Над городом летели черные самолеты со свастикой.

Звука первого взрыва не забыть никогда. Казалось, земля, на которой стоит город, вздрогнула и тяжело охнула. И то, что громовые раскаты

первых взрывов и первые раны, нанесенные городу, совпали для нас с тем моментом, когда звучала музыка, с тем моментом, когда в сознании возникли чудесные художественные образы, рождающие представление о некоей гармонии мирной жизни и мирного труда, казалось особенно страшным.

Особенно страшным потому, что с этого момента посягательство врага на наше любимое искусство перестало быть только угрозой, а мгновенно превратилось для каждого из нас в реально осязаемую, уже наступившую действительность.

Оно стало жизнью» (2, 99 – 100).

Удивительную для детей твердость воли проявили выступающие на концертных площадках города ребята-музыканты из Дома пионеров, часть из которых после войны переступили порог Консерватории, став ее студентами.

«8 сентября 1941 года, в первый день артиллерийского обстрела Ленинграда, вражеский снаряд ударил в главный корпус Дворца пионеров. Был разрушен зимний сад, погиб аквариум. “Куда же метил враг?” — спрашивали все. Недоумение разрешалось после снятия блокады: Дворец пионеров числился во вражеских списках как “объект № 190”...» (2, 65).

Несмотря на боль первых перенесенных потерь близких им людей, дети продолжали заниматься музыкой, желая поддержать своим искусством боевой дух солдат-фронтовиков.

«Нет! Жить, действовать во что бы то ни стало! В правильности этой мысли укрепляло каждое выступление детей перед защитниками Ленинграда. Почти каждый детский концерт стихийно выливался в митинг. Сколько клятв бойцов слышали ребята, сколько теплых писем летело им вслед!» (2, 75).

Самоотверженно молодые студенты Консерватории вступали в ряды Народного ополчения и, не жалея сил, помогали защите рубежей страны как могли. «Бессмертный подвиг совершил студент консерватории Заур Гаглоев. Со связкой гранат он бросился навстречу танку, угрожавшему позициям другого дзота, уничтожил танки, но сам погиб» (7, 13 – 14).

Не прекращалась творческая деятельность ленинградских композиторов в течение всего периода блокады. Около 150 песен и 40 маршей для духового оркестра было принесено на конкурс, объявленный Союзом композиторов, центром музыкальной жизни блокадного Ленинграда, 23 февраля 1943 года. Часть из них вошли в репертуар фронтовых бригад и сыграли серьезную роль в укреплении боевого духа армии.

Сами композиторы, находясь на военной службе, принимали участие в армейских ансамблях. В содружестве с фронтовыми поэтами создавались ими песни отдельных подразделений, полков. Это: «Песня инженерного батальона» О. Евлахова, «Песня артиллерийского полка» Ю. Кочурова и мн. др. Преподаватель Консерватории Георгий Безгинский, писавший между боями стихи и песни, получил орден Красной звезды за то, что с его песнями полки шли в бой. Многие педагоги, студенты и сотрудники Ленинградской консерватории сражавшиеся с немецко-фашистскими захватчиками до конца Великой Отечественной войны, были награждены многими орденами и медалями.

«Вражеские самолеты летают над городом на большой высоте. Гнев народа раскален до предела...» (2, 128).

На сцене единственного работавшего в блокадном городе Театра музыкальной комедии была поставлена коллективная работа композиторов В. Витмана, Н. Минха, Л. Круца «Раскинулось море широко». Вот как вспоминает об этом участник блокады, композитор В. Заборский: «Премьера оперетты в осажденном Ленинграде! Только тот, кто был тогда в городе-фронте, может понять, с каким волнением ждали этого спектакля его создатели, участники и зрители. У входа в театр толпилась не нарядная публика, а солдаты в шинелях, ватниках, касках, пришедшие сюда из сырых землянок, блиндажей, дотов. Почти неправдоподобным кажется сейчас то, что билеты обменивались на кусок хлеба. Какую ценность представлял хлеб в блокированном городе, понятно только ленинградцам» (2, 26).

Безусловно, самое значительное произведение времени блокады — Седьмая симфония Шостаковича, одно из исполнений которой состоялось в самом блокадном Ленинграде, 9 августа сорок второго года. О значимости этого сочинения для людей, переживших войну, было сказано многое и многими. «Нельзя говорить о впечатлении от симфонии. Это не впечатление, а потрясение. И его испытывали — я видел и чувствовал это — не только слушатели, но и исполнители, читавшие нотные листы, точно живую повесть о самих себе». Так отзывался об этом сочинении автор статьи «Триумф антифашистской симфонии», изданной в журнале «Звезда», композитор В.М. Богданов-Березовский, к дневникам которого я не раз буду обращаться (2, 147).

«Я вступил добровольцем в ряды народного ополчения, — писал Шостакович. — До этих дней я знал лишь мирный труд. Ныне я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры, конец

цивилизации — однозначны. Исторически победа фашизма нелепа и невозможна, но я знаю, что спасти человечество от гибели можно только сражаясь» (2, 160).

Самое мощное «оружие» Шостаковича — его Ленинградская симфония. Эта музыка дала заряд огромной жизненной силы, вера в которую так сильно сотряслась, так настойчиво требовала волевого усилия в те годы.

«Когда врач предложил мне идти домой, то ноги у меня подкосились, и я могла только ползти. Пришла за мной сестра, укутали меня в одеяло и повезли, и всю дорогу мне приходилось говорить прохожим: “Живую везут, живую”, так как тогда возили так уже только неживых людей. ... Спали в одежде, но сна не было. Голодным не спалось, — читаем в ранее не опубликованных воспоминаниях¹ Слозиной Сары Давыдовны, сильно заболевшей в период блокады. — Находясь в госпитале, голодая, я однажды съела кусочек жареной кошки. Это был “деликатес”. И на ослабевший организм это повлияло».

* * *

«Ленинград — быть или не быть?» — так была озаглавлена передовая статья «Ленинградской правды» 17 сентября 1942 года, самого тяжелого года блокады, когда каждому особенно с трудом верилось в наступление мирных дней. Это было суровое время испытания голодом и холодной зимой, множившей болезни и гибели людей.

«Смертельной стала язва, ведь половина пищи была несъедобной... Отдирали от стен обои, соскабливали клейстер; предполагалось, что он из картофельной муки. Некоторые съедали бумагу, думая, что и это, может быть, какое-то питание, ведь она из дерева. Потом стали жевать штукатурку — лишь бы наполнить желудок» (8, 393).

И вместе с тем, преодолевая упадок сил, люди продолжали работать, и время, ценность которого так резко возросла с начала войны, берегли, не упуская ни минуты.

Б.В. Асафьев: «Самочувствие мое и моей семьи стало сдавать. Обеды (если это были обеды!) сузились до предела. В пищу были введены жмыхи, ... лежа во тьме я пробовал сочинять музыку, применяя мои опыты слагания тем-интонаций в живые формы устной музыки. Приходили тексты с фронта, рос спрос на песни, наконец, удалось найти среди знакомых и слушателей моих учеников. Творчество песен отвлекало от тяжелых ощу-

¹ Студентки дирижерского факультета в годы войны.

щений слабеющего организма. В момент появления света я стал записывать мысли об интонации почти афористически, стремясь схватить их, как светящиеся в мозгу точки».

Только за один год блокадной жизни Асафьевым в тяжелейших условиях были созданы такие крупные музыковедческие работы, как вторая часть «Музыкальной формы как процесса» «Интонация», «Глинка», «Григ», «Музыка моей Родины» и другие.

Тогда же, в блокадном Ленинграде, несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться автору, был завершен и выпущен из печати знаменательный для истории отечественного музыкознания труд Р.И. Грубера — первая, выпущенная на русском языке «Всеобщая история музыки». Об истории рождения этой книги пишет автор статьи, посвященной деятельности Ленинградской Консерватории военных лет, Е.А. Пономарёва: «... Р.И. Грубер даже на работы по рытью противотанковых рвов ездил с экземпляром корректуры. В связи с задержкой разрешения выпуска первой части, он уезжает в Москву, откуда выпускают в связи с осложнившимся положением на фронте и блокадой Ленинграда. И все-таки ему удалось вернуться в осажденный город. К ноябрю книгу выпустить не успели. С наступлением зимы работа типографии резко замедлилась. В цехах стоял мороз. Р.И. Грубер в бомбоубежище проводил регулярные занятия со студентами. И каждый день как на работу ходил в типографию, где всегда находилось дело. ... Он заменял корректоров, разносил по этажам гранки, выполнял и другие виды работы» (10, 32).

«Город скован. С 25-го нет воды, с 26-го нет хлеба, который невозможно было вытекать опять-таки из-за отсутствия воды, хотя с 24-го увеличили норму выдачи. Рабочим и иждивенцам на 50 граммов, служащим — на 100. Бездействуют телефоны...» (2,).

Трудно представить, что такая суточная норма для жителей города была единственным источником поддержания физических сил. Все же, люди, пребывая в безвыходном положении, собирались духом, и боролись за существование, совместно перенося те трудности, с которыми они сталкивались.

«В театре им. Ленинского комсомола в результате общего собрания <...> была введена трудовая повинность для актеров на доставку воды ведрами прямо из проруби на Неве в столовую театра. Город скован, но жив, сберегая в неподвижности все ... имеющиеся силы,

чтобы в нужный момент натячь их и разорвать сковывающие его нуты...»

На улицах и в домах Ленинграда развелось огромное количество крыс, число которых постоянно множилось. Они представляли собой угрозу не только скудным имевшимся пищевым запасам, но и жизни самих людей.

«Невероятное количество крыс — ведь везде валялись трупы. Крысы были огромные, они нападали на людей. Мама поступила в архив Академии наук, где в подвале была столовая. Мы как-то раз пришли туда отовариться по карточкам, пришли позже других и, когда там сидели, то видели, как крысы огромной массой забрались на столы и лизали не вымытые тарелки» (7, 54).

Поразительны воспоминания военных лет Александры Николаевны Годаревской², пробывшей в здании Консерватории с начала войны до 1946 года. Она, в то время девочка пяти лет, жила со своим дедушкой и трехлетним братом в комнате на пятом этаже, где сейчас находится фольклорная лаборатория. Покинутые жителями, работниками Консерватории, комнаты были не заперты и содержали личные вещи своих бывших владельцев — тогда никто не мог представить, что война продлится долго. Александра Николаевна помнит, как они с братом в одном из сундуков нашли игрушку, маленького мальчика, и стали играть с ним. (Трудно представить, какой особенной радостью для ребенка на фоне звука взрывающихся бомб могло быть это занятие.)

Детям было запрещено выходить на улицу и поэтому единственным местом их прогулок был внутренний дворик Консерватории. Без присмотра было опасно выходить из здания — однажды тетю Александры Николаевны подстерегли у входа в Консерваторию и отобрали продовольственные карточки на еду незнакомые ей люди.

Когда умирали родственники, то близким необходимо было возвращать их карточки пункту выдачи, так как на них значилось имя их владельца. Вспоминая, Александра Николаевна сообщает, как долго старались не уведомлять об умершем человеке, чтобы на те карточки можно было взять еду.

Нередко дедушка, кочегар Кондратий Ефимов, приносил из столовой пленочки от каш, варившихся в больших тяжелых кастрюлях.

² Публикуются впервые. Сообщено заведующей Музеем истории Консерватории О.Н. Гаврилиной.

Особенно сильным впечатлением для ребенка были увиденные трупы. Однажды, с братом вышли из комнаты и спустились вниз по лестнице, туда, где ранее находилась душевая и через нее — в подвал. Там, в накопившейся воде плавали, зашитые в мешки мертвые тела людей, которых не было возможности ни выносить из здания, ни, тем более, хоронить за его пределами.

Тогда Ленинград стал городом-склепом — как много людей не выдерживало тяжелейших условий существования! И особенно отчаянно звучала формула первых дней войны: «Ленинград смерти не боится — смерть боится Ленинграда»...

* * *

Все больше и больше проходит времени с окончания Великой Отечественной войны. Далеким прошлым становятся, нет, стали для современного поколения те ужасы, которые довелось перенести людям, жившим в столь страшное время. Важно помнить и напоминать об этом, чтобы у каждого человека последующего поколения было чувство сопричастности великой трагедии. Сопричастности через сопереживание ее событий вместе с голосами свидетелей войны, отраженных в их воспоминаниях.

Вечная память павшим деятелям искусства, верным служителям Консерватории. Здоровья и сил педагогам-ветеранам, которые и сейчас делятся с нами, студентами, частью своего высокого профессионализма. Глубочайшая им благодарность.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы Музея истории Консерватории.
2. В годы Великой Отечественной войны. Л., 1959.
3. В годы суровых испытаний. Ленинская партийная организация в Великую Отечественную войну. Л., 1985.
4. Кузьмин А. Пять огненных дней // Ополчение. Л., 1975.
5. Леонидов В. От Сталинграда до Плезно // Музыкальные кадры, 8 мая 1947 г.
6. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Кн. 2. Л., 1988.
7. Ленинградская Государственная Консерватория в годы Великой Отечественной Войны. СПб., 2005.

8. *Слозина С.Д.* Воспоминания. Рукопись. Музей истории Консерватории.

9. *Солсбери Г.* 900 дней. М. – СПб., 1994.

Выражаю благодарность студенту I курса Великанову П. за предоставленную на время выполнения работы эту книгу.

10. *Пономарёва Е.А.* Ленинградская ордена Ленина государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова в годы Великой Отечественной Войны. Л., 1983.

11. *Прокофьева В.* Беспамятство бесследно не проходит // Музыкальные кадры, 23 июня. 1988 г.